

ГЛАВА I.

О томъ, какъ проснулся титулярный совѣтникъ Голядкинъ. О томъ, какъ онъ снарядилъ себя и отправился туда, куда ему путь лежалъ. О томъ, какъ оправдывался въ собственныхъ глазахъ своихъ г. Голядкинъ, и какъ потомъ вывелъ правило, что лучше всего дѣйствовать на смѣлую ногу и съ откровенностію, не лишенною благородства. О томъ, куда наконецъ заѣхалъ г. Голядкинъ.

Было безъ малаго восемь часовъ утра, когда титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ очнулся послѣ долгаго сна, зѣвнулъ, потянулся и открылъ наконецъ совершенно глаза свои. Минуты съ двѣ, впрочемъ, лежалъ онъ неподвижно на своей постели, какъ человѣкъ, не вполне еще увѣренный, проснулся ли онъ совершенно или все еще спитъ, на яву ли, и въ дѣйствительности ли все то, что около него теперь совершается, или продолженіе его безпорядочныхъ сонныхъ грезъ. Вскорѣ, однакожъ, чувства господина Голядкина стали яснѣе и отчетливѣе принимать свои привычныя, обыденныя впечатлѣнія. Знакомо глянули на него зелено-грязноватая, закопѣлая, пыльная стѣны его маленькой комнатки, его коммодъ краснаго дерева, стулья подъ красное дерево, столъ, окрашенный красною краскою, клеенчатый турецкій диванъ красноватаго цвѣта, съ зелененькими цвѣточками и наконецъ вчера впопыхахъ снятое платье и брошенное комкомъ на диванъ. Наконецъ, сѣрый осенній день, мутный и грязный, такъ сердито и съ такой кислой гримасою заглянулъ къ нему сквозь тусклое окно въ комнату, что господинъ Голядкинъ никакимъ уже образомъ не могъ болѣе сомнѣваться, что онъ находится не въ тридесATOMъ царствѣ какомъ-нибудь, а въ городѣ Петербургѣ, въ столицѣ, въ Шестилавочной-Улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного весьма-большаго, капитальнаго дома, въ собственной квартирѣ своей. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ судорожно закрылъ глаза, какъ-бы сожалѣя о недавнемъ снѣ и желая его воротить на минутку. Впрочемъ, черезъ минуту господинъ Голядкинъ однимъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ постели своей, вѣроятно попавъ наконецъ въ ту идею, около которой вертѣлись до-сихъ-поръ разсѣянные, неприведенныя въ надлежащій порядокъ мысли его. Выпрыгнувъ изъ постели, онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ небольшому кругленькому зеркальцу, стоявшему на коммодѣ. Хотя отразившаяся въ зеркалѣ заспанная, подслѣповатая и довольно-оплѣшивѣвшая фигура была

именно такого незначительнаго свойства, что съ перваго взгляда не останавливала на себѣ рѣшительно ничего исключительнаго вниманія, но по-видимому обладатель ея остался совершенно доволенъ всеѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ въ зеркалѣ. "Вотъ бы штука была", сказалъ господинъ Голядкинъ въ-полголоса: "вотъ бы штука была, еслибъ я сегодня манкировалъ въ чемъ-нибудь, еслибъ вышло, напримѣръ, что-нибудь да не такъ, — прыщикъ тамъ какой-нибудь вскочилъ посторонній, или произошла бы другая какая-нибудь непріятность; впрочемъ, покамѣстъ не дурно; покамѣстъ все идетъ хорошо." Очень обрадовавшись тому, что все идетъ хорошо, господинъ Голядкинъ поставилъ зеркало на прежнее мѣсто, а самъ, не смотря на то, что былъ босикомъ и сохранялъ на себѣ тотъ костюмъ, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе отходить ко сну, подбѣжалъ къ окошку и съ большимъ участіемъ началъ что-то отыскивать глазами на дворѣ дома, на который выходили окна квартиры его. По-видимому, и то, что онъ отыскалъ на дворѣ, совершенно его удовлетворило; лицо его просіяло самодовольной улыбкою. Потомъ, — заглянувъ, впрочемъ, сначала за перегородку въ каморку Петрушки, своего камердинера, и увѣрившись, что въ ней нѣтъ Петрушки, — на ципочкахъ подошелъ къ столу, отперъ въ немъ одинъ ящикъ, пошарилъ въ самомъ заднемъ уголку этого ящика, вынулъ наконецъ изъ-подъ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ и кой-какой дряни зеленый истертый бумажникъ, открылъ его осторожно, бережно и съ наслажденіемъ заглянулъ въ самый дальній, потаенный карманъ его. Вѣроятно пачка зелененькихъ, сѣренькихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестренькихъ бумажекъ тоже весьма-привѣтливо и одобрительно глянула на господина Голядкина: съ просіявшимъ лицомъ положилъ онъ передъ собою на столъ раскрытый бумажникъ и крѣпко потеръ руки въ знакъ величайшаго удовольствія. Наконецъ, онъ вынулъ ее, свою утѣшительную пачку государственныхъ ассигнацій, и, въ сотый разъ впрочемъ считая со вчерашняго дня, началъ пересчитывать ихъ, тщательно перетирая каждый листокъ между большимъ и указательнымъ пальцами. "Семь-сотъ-пятьдесятъ рублей ассигнаціями!" окончилъ онъ наконецъ полушопотомъ. "Семь-сотъ-пятьдесятъ рублей... знатная сумма! Это пріятная сумма", продолжалъ онъ дрожащимъ, немного-разслабленнымъ отъ удовольствія голосомъ, сжимая пачку въ рукахъ и улыбаясь значительно: "это весьма-пріятная сумма! Хотя кому пріятная сумма! Желалъ бы я видѣть теперь человѣка, для котораго эта сумма была бы ничтожною суммою? Такая сумма можетъ

далеко повести человѣка... А любопытно было бы знать, куда бы меня, напримѣръ, могла повести эта сумма", заключилъ господинъ Голядкинъ, "еслибъ я, на-примѣръ, такъ, отъ какихъ бы то ни было причинъ, вдругъ, по какому тамъ ни есть случаю, вышелъ въ отставку, и такимъ-образомъ остался бы безъ всякихъ доходовъ?" Сдѣлавъ себѣ такой важный вопросъ, господинъ Голядкинъ серьезно задумался. Замѣтимъ здѣсь, кстати, одну маленькую особенность господина Голядкина. Дѣло въ томъ, что онъ очень любилъ иногда дѣлать нѣкоторыя романическія предположенія относительно себя-самого; любилъ пожаловать себя подъ часъ въ герои самага затѣйливаго романа, мысленно запутать себя въ разныя интриги и затрудненія, и наконецъ вывести себя изъ всѣхъ непріятностей съ честію, уничтожая всѣ препятствія, побѣждая затрудненія и великодушно прощая врагамъ своимъ. Очнувшись отъ своихъ размышлений, господинъ Голядкинъ съ серьезной, значительной миной положилъ свои деньги въ бумажникъ въ столъ, на прежнее мѣсто, и взглянулъ на часы. Часы приготовлялись бить. Было ровно восемь часовъ.

— Однако, что же это такое? подумалъ господинъ Голядкинъ: — да гдѣ же Петрушка? — Все еще сохраняя тотъ же костюмъ, взглянулъ онъ другой разъ за перегородку. Петрушки опять не нашлось за перегородкой, а сердился, горячился и выходилъ изъ себя лишь одинъ поставленный тамъ на полу самоваръ, непрерывно угрожая сбѣжать, и что-то съ жаромъ, быстро болталъ на своемъ мудреномъ языкѣ, картавя и шепелявя господину Голядкину, вѣроятно то: что, дескать, возьмите же меня, добрые люди, вѣдь я совершенно поспѣлъ и готовъ.

— Черти бы взяли! подумалъ господинъ Голядкинъ. — Эта лѣнивая бестія можетъ наконецъ вывести человѣка изъ послѣднихъ границъ; гдѣ онъ шатается? Въ справедливомъ негодованіи своемъ вошелъ онъ въ переднюю, состоявшую изъ маленькаго корридора, въ концѣ котораго находилась дверь въ сѣни, крошечку пріотворилъ эту дверь, и увидѣлъ своего служителя, окруженнаго порядочной кучкой всякаго лакейскаго, домашняго и случайнаго сброда. Петрушка что-то рассказывалъ, прочіе слушали. Повидимому, ни тѣма разговора, ни самый разговоръ не понравились господину Голядкину. Онъ немедленно кликнулъ Петрушку и возвратился въ комнату совсѣмъ недовольный, даже разстроенный. "Эта бестія ни за грошъ готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе ба-

рина", подумаль онъ про себя: "и продалъ, непременно продалъ, пари готовъ держать, что ни за копейку продалъ. Ну, что?"

— Ливрею принесли, сударь.

— Надѣнь и пошолъ сюда.

Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ комнату барина. Костюмированъ онъ былъ странно до нельзя. На немъ была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшимися галунами, и по-видимому шитая на челоуѣка, ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, тоже съ галунами и съ зелеными перьями, а при бедрѣ имѣлъ лакейскій мечъ, въ кожаныхъ ножнахъ.

Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновению ходить всегда въ неглиже, по домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и по-видимому остался доволенъ. Ливрея очевидно была взята на прокатъ для какого-то торжественнаго случая. Замѣтно было еще, что во время осмотра Петрушка глядѣлъ съ какимъ-то страннымъ ожиданіемъ на барина, и съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ его, что крайне смущало господина Голядкина.

— Ну, а карета?

— И карета пріѣхала.

— На весь день?

— На весь день. Двадцать-пять ассигнацій.

— И сапоги принесли?

— И сапоги принесли.

— Болванъ! не можешь сказать принесли-съ. Давай ихъ сюда.

Изъявивъ свое удовольствіе, что сапоги пришлись хорошо, господинъ Голядкинъ спросилъ чаю, умываться и бриться. Обрился онъ весьма-тщательно и такимъ же образомъ вымылся, хлебнулъ чаю на-скоро, и приступилъ къ своему главному окончательному облаченію: надѣлъ панталоны почти совершенно-новые; потомъ манишку съ бронзовыми пуговками, жилетку съ весьма-яркими и пріятными цвѣточками; на шею повязалъ пестрый шелковый галстухъ, и наконецъ натянулъ виц-мундиръ тоже новехонькій и тщательно вычищенный. Одѣваясь, онъ нѣсколько разъ съ любовью взглядывалъ на свои сапоги, поминутно приподымалъ то ту, то другую ногу, любовался фасономъ, и что-то все шепталъ себѣ подъ носъ, изрѣдка подмигивая своей думкѣ выразительною гримаскою. Впрочемъ, въ это утро господинъ Голядкинъ былъ крайне

разсѣянъ, потому-что почти не замѣтилъ улыбочекъ и гримасъ на свой счетъ помогавшаго ему одѣваться Петрушки. Наконецъ, справивъ все, что слѣдовало, совершенно одѣвшись, г. Голядкинъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, полюбовался окончательно на Петрушку, надѣвшаго сапоги, и бывшего такимъ-образомъ тоже въ совершенной готовности, и замѣтивъ, что все уже сдѣлано и ждать уже болѣе нечего, торопливо, суетливо, съ маленькимъ трепетаніемъ сердца сбѣжалъ съ своей лѣстницы. Голубая извозичья карета, съ какими-то гербами, съ громомъ подкатилась къ крыльцу. Петрушка, перемигиваясь съ извозчикомъ и съ кое-какими зѣваками, усадилъ своего барина въ карету; непривычнымъ голосомъ, и едва сдерживая дурацкій смѣхъ, крикнулъ пошолъ! вскопчилъ на запятки, и все это съ шумомъ и громомъ, звѣня и треща, покатилося на Невскій-Проспектъ. Только-что голубой экипажъ успѣлъ выѣхать за ворота, какъ господинъ Голядкинъ судорожно потеръ себѣ руки и залился тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, какъ человѣкъ веселаго характера, которому удалось съиграть славную штуку, и которой штукѣ онъ самъ радъ-радехонекъ. Впрочемъ, тотчасъ же послѣ припадка веселости, смѣхъ смѣнился какимъ-то страннымъ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ господина Голядкина. Не смотря на то, что время было сырое и пасмурное, онъ опустилъ оба окна кареты и заботливо началъ высматривать направо и налѣво прохожихъ, тотчасъ принимая приличный и степенный видъ, какъ-только замѣчалъ, что на него кто-нибудь смотреть. На поворотѣ съ Литейной на Невскій-Проспектъ, онъ вздрогнулъ отъ одного самага непріятнаго ощущенія, и сморщась какъ бѣдняга, которому наступили нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхомъ прижался въ самый темный уголокъ своего экипажа. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ двухъ сослуживцевъ своихъ, двухъ молодыхъ чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ самъ состоялъ на службѣ. Чиновники же, какъ показалось господину Голядкину, были тоже съ своей стороны въ крайнемъ недоумѣніи, встрѣтивъ такимъ-образомъ своего сотоварища; даже одинъ изъ нихъ указалъ пальцемъ на г. Голядкина. Господину Голядкину показалось даже, что другой кликнулъ его громко по имени, что, разумѣется, было весьма-неприлично на улицѣ. Герой нашъ притаился и не отозвался. "Что за мальчишки!" началъ онъ разсуждать самъ съ собою. "Ну что же такого тутъ страннаго? Человѣкъ въ экипажѣ; человѣку нужно быть въ экипажѣ, вотъ онъ и взялъ экипажъ. Просто дрянъ! Я ихъ знаю, — просто мальчишки, которыхъ еще нужно посѣчь!

Имъ бы только въ орлянку при жалованьи, да гдѣ-нибудь потаскаться, вотъ это ихъ дѣло. Сказалъ бы имъ всѣмъ кое-что, да ужъ только..." Г. Голядкинъ не докончилъ и обмеръ. Бойкая пара казанскихъ лошадокъ, весьма-знакомая господину Голядкину, запряженныхъ въ щегольскія дрожки, быстро обгоняла съ правой стороны его экипажъ. Господинъ, сидѣвшій на дрожкахъ, нечаянно увидѣвъ лицо господина Голядкина, довольно-неосторожно высунувшаго свою голову изъ окошка кареты, тоже по-видимому крайне былъ изумленъ такой неожиданной встрѣчей, и, нагнувшись сколько могъ, съ величайшимъ любопытствомъ и участіемъ сталъ заглядывать въ тотъ уголъ кареты, куда герой нашъ поспѣшилъ-было спрятаться. Господинъ на дрожкахъ былъ Андрей Филипповичъ, начальникъ отдѣленія въ томъ служебномъ мѣстѣ, въ которомъ числился и господинъ Голядкинъ, въ качествѣ помощника своего столначальника. Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться никакъ невозможно, покраснѣлъ до ушей. "Поклониться или нѣтъ? Отозваться или нѣтъ? Признаться или нѣтъ?" думалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой, "или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожій со мною, и смотрѣть какъ ни въ чемъ не бывало? Именно не я, не я да и только!" говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шляпу предъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. "Я, я ничего", шепталъ онъ черезъ силу, "я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, это вовсе не я, не я да и только." Скоро, однакожъ, дрожки обогнали карету, и магнетизмъ начальническихъ взоровъ прекратился, наконецъ, надъ господиномъ Голядкинымъ. Однако, онъ все-еще краснѣлъ, улыбался, что-то бормоталъ про себя... "Дуракъ я былъ, что не отозвался", подумалъ онъ наконецъ: "слѣдовало бы просто на смѣлую ногу и съ откровенностью не лишенною благородства: — дескать такъ и такъ, Андрей Филипповичъ, тоже приглашенъ на обѣдъ, да и только!" Потомъ, вдругъ вспомнивъ, что срѣзался, герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь, нахмурилъ брови и бросилъ страшный вызывающій взглядъ въ передній уголъ кареты, взглядъ такъ и назначенный съ тѣмъ, чтобъ испепелить разомъ въ прахъ всѣхъ враговъ его. Наконецъ, вдругъ, по вдохновенію какому-то, дернулъ онъ за шнурокъ, привязанный къ локтю извозчика-кучера, остановилъ карету и приказалъ поворотить назадъ на Литейную. Дѣло въ томъ, что господину Голядкину немедленно понадобилось для собственного же спокойствія, вѣроятно, сказать что-то самое интересное доктору

его, Крестьяну Ивановичу. И хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ былъ онъ знакомъ съ весьма-недавняго времени, именно, поѣтилъ его всего одинъ разъ на прошлой недѣлѣ, въ-слѣдствіе кой-какихъ надобностей, но вѣдь докторъ, какъ говорятъ, что духовникъ, — скрываться было бы глупо, а знать пациента его же обязанность. "Такъ ли, впрочемъ, будетъ все это", продолжалъ нашъ герой, выходя изъ кареты у подъѣзда одного пяти-этажнаго дома въ Литейной, возлѣ котораго приказалъ остановить свой экипажъ: "такъ ли будетъ все это? Прилично ли будетъ? Кстати ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что же", продолжалъ онъ, подымаясь на лѣстницу, переводя духъ и сдерживая біеніе сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ: "что же? вѣдь я про свое, и предосудительнаго здѣсь ничего не имѣется... мнѣ кажется, что ничего не имѣется. Скрываться было бы глупо. Я вотъ такимъ-то образомъ и сдѣлаю видъ, что я ничего, а что такъ мимоѣздомъ... Онъ и увидить, что такъ тому и слѣдуетъ быть."

Такъ разсуждая, господинъ Голядкинъ поднялся до втораго этажа, и остановился передъ квартирою пятаго нумера, на дверяхъ котораго помѣщена была красивая мѣдная дощечка съ надписью:

*Крестьянъ Ивановичъ Рутеншицъ
Докторъ Медицины и Хирургіи.*

Остановившись, герой нашъ поспѣшилъ придать своей фیزیономіи приличный, развязный, не безъ нѣкоторой любезности видъ, и приготовился дернуть за шнурокъ колокольчика. Приготовившись дернуть за шнурокъ колокольчика, онъ немедленно и довольно-кстати разсудилъ, что не лучше ли завтра, и что теперь покамѣстъ надобности большой не имѣется, совсѣмъ-никакой не имѣется. Но такъ-какъ господинъ Голядкинъ услышалъ вдругъ на лѣстницѣ чьи-то шаги, то немедленно перемѣнилъ новое рѣшеніе свое и уже такъ, заодно, впрочемъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ, позволилъ у дверей Крестьяна Ивановича.

ГЛАВА II.

О томъ, какимъ образомъ вошелъ г. Голядкинъ къ Крестьяну Ивановичу. О чемъ именно онъ съ нимъ трактовалъ; какъ потомъ прослезился; какъ потомъ ясно доказалъ, что обладаетъ нѣкоторыми и даже весьма-значительными добродѣтелями, необходимыми въ практической жизни, и что нѣкоторые люди умѣютъ иногда поднести коку съ сокомъ, какъ по пословицу говорится; какъ наконецъ онъ попросилъ позволенія удалиться и, выпросивъ его, вышелъ, оставивъ въ изумленіи Крестьяна Ивановича. Мнѣніе г. Голядкина о Крестьянѣ Ивановичѣ.

Докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншицъ, весьма-здоровый, хотя уже и пожилой человѣкъ, одаренный густыми сѣдѣющими бровями и бакенбардами, выразительнымъ, сверкающимъ взглядомъ, которымъ однимъ, по-видимому, прогонялъ всѣ болѣзни, и, наконецъ, значительнымъ орденомъ, — сидѣлъ въ это утро у себя въ кабинетѣ, въ покойныхъ креслахъ своихъ, пилъ кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, курилъ сигару и прописывалъ отъ времени до времени рецепты своимъ пациентамъ. Прописавъ послѣдній пузырекъ одному старичку, страдавшему геморроемъ, и выпроводивъ страдающаго старичка въ боковыя двери, Крестьянъ Ивановичъ усѣлся въ ожиданіи слѣдующаго посѣщенія. Вошелъ господинъ Голядкинъ.

По-видимому, Крестьянъ Ивановичъ нисколько не ожидалъ, да и не желалъ видѣть предъ собою господина Голядкина, потому что онъ вдругъ на мгновеніе смутился и невольно выразилъ на лицѣ своемъ какую-то странную, даже можно сказать недовольную мину. Такъ-какъ, съ своей стороны, господинъ Голядкинъ почти всегда какъ-то некстати опадалъ и терялся въ тѣ мгновенія, въ которыхъ случалось ему абординовать кого-нибудь ради собственныхъ дѣлишекъ своихъ, то и теперь, не приготовивъ первой фразы, бывшей для него въ такихъ случаяхъ настоящимъ камнемъ преткновенія, сконфузился препорядочно, что-то пробормоталъ, — впрочемъ, кажется, извиненіе, — и, не зная, что далѣе дѣлать, взялъ стулъ и сѣлъ. Но, вспомнивъ, что усѣлся безъ приглашенія, тотчасъ же почувствовалъ свое неприличіе и поспѣшилъ поправить ошибку свою въ незнаніи свѣта и хорошаго тона, немедленно вставъ съ занятаго имъ безъ приглашенія мѣста. Потомъ, опомнившись и смутно замѣтивъ, что сѣлалъ двѣ глупости разомъ, рѣшился, ни мало не медля, на третью, т. е. попробовалъ-было при-

нести оправданіе, пробормоталъ кое-что улыбаясь, покраснѣлъ, сконфузился, выразительно замолчалъ и наконецъ сѣлъ окончательно и уже не вставалъ болѣе, а такъ только на всякій случай обезпечилъ себя тѣмъ же самымъ вызывающимъ взглядомъ, который имѣлъ необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять въ прахъ всѣхъ враговъ господина Голядкина. Сверхъ-того, этотъ взглядъ вполне выражалъ независимость господина Голядкина, т. е. говорилъ ясно, что господинъ Голядкинъ совсѣмъ ничего, что онъ самъ-по-себѣ, какъ и всѣ, и что его изба во всякомъ случаѣ съ краю. Крестьянъ Ивановичъ кашлянулъ, крикнулъ, по-видимому въ знакъ одобренія и согласія своего на все это, и устремилъ инспекторскій, вопросительный взглядъ на господина Голядкина.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, началъ господинъ Голядкинъ съ улыбою: — пришелъ васъ беспокоить вторично, и теперь вторично осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія... Господинъ Голядкинъ очевидно затруднился въ словахъ.

— Гм... да! проговорилъ Крестьянъ Ивановичъ, выпустивъ изо рта струю дыма и кладя сигару на столъ: — но вамъ нужно предписаній держаться; я вѣдь вамъ объяснялъ, я вѣдь вамъ прошедшій разъ объяснялъ, что пользованіе ваше должно состоять въ измѣненіи привычекъ... Ну, развлеченія; ну, тамъ, друзей и знакомыхъ должно посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать; равномѣрно держаться веселой компаніи.

Господинъ Голядкинъ, все еще улыбаясь, поспѣшилъ замѣтить, что ему кажется, что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлеченія у него, какъ и у всѣхъ... что онъ, конечно, можетъ ѣздить въ театръ, ибо тоже, какъ и всѣ, средства имѣетъ, что днемъ онъ въ должности, а вечеромъ у себя, что онъ совсѣмъ ничего; даже замѣтилъ тутъ же мимоходомъ, что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ, и что наконецъ у него есть Петрушка. Тутъ господинъ Голядкинъ запнулся.

— Гм, нѣтъ, такой порядокъ не то, и я васъ совсѣмъ не то хотѣлъ спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы большой ли любитель веселой компаніи, пользуетесь ли весело временемъ... Ну, тамъ, меланхолическій или веселый образъ жизни теперь продолжаете?

— Я, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм, я говорю, перебилъ докторъ: — что вамъ нужно коренное преобразование всей вашей жизни имѣть и въ нѣкоторомъ

смыслъ переломить свой характеръ. (Крестьянъ Ивановичъ сильно ударилъ на слово "переломить" и остановился на минуту съ весьма-значительнымъ видомъ.) Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клубъ посѣщать и во всякомъ случаѣ бутылки врагомъ не бывать. Дома сидѣть не годится... вамъ дома сидѣть никакъ-невозможно.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю тишину, проговорилъ господинъ Голядкинъ, бросая значительный взглядъ на Крестьяна Ивановича, и очевидно ища словъ для удачнѣйшаго выраженія мысли своей: — въ квартирѣ только я, да Петрушка... я хочу сказать, мой человѣкъ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, Крестьянъ Ивановичъ, что я иду своей дорогой, особою дорогой, Крестьянъ Ивановичъ. Я себѣ особо, и сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу. Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу.

— Какъ?.. Да! Ну, нынче гулять не составляетъ никакой пріятности; климатъ весьма-нехорошій.

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Я, Крестьянъ Ивановичъ, хоть и смирный человѣкъ, какъ я уже вамъ, кажется, имѣлъ честь объяснить, но дорога моя отдѣльно идетъ, Крестьянъ Ивановичъ. Путь жизни широкъ... Я хочу... я хочу, Крестьянъ Ивановичъ, сказать этимъ... Извините меня, Крестьянъ Ивановичъ, я не мастеръ красно говорить.

— Гм... вы говорите...

— Я говорю, чтобъ вы меня извинили, Крестьянъ Ивановичъ, въ томъ, что я, сколько мнѣ кажется, не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ полу-обиженнымъ тономъ, немного сбиваясь и путаясь. — Въ этомъ отношеніи я, Крестьянъ Ивановичъ, не такъ какъ другіе, прибавилъ онъ съ какою-то особенною улыбкою: — и много говорить не умѣю; придавать слогу красоту не учился. За то я, Крестьянъ Ивановичъ, дѣйствую; за то я дѣйствую, Крестьянъ Ивановичъ!

— Гм... Какъ же это... вы дѣйствуете? отозвался Крестьянъ Ивановичъ. За тѣмъ, на минутку, послѣдовало молчаніе. Докторъ какъ-то странно и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ тоже въ свою очередь довольно-недовѣрчиво покосился на доктора.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать господинъ Голядкинъ все въ прежнемъ тонѣ, немного-раздраженный и озадаченный крайнимъ упорствомъ Крестьяна Ивановича: — я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю спокойствіе, а не свѣтскій шумъ. Тамъ у нихъ, я говорю, въ большомъ свѣтѣ, Крестьянъ Ивановичъ, нужно умѣть